

See discussions, stats, and author profiles for this publication at: <https://www.researchgate.net/publication/339713048>

Шевченко И.С. Интерсубъективность в категориях дискурса-конвертирован — копия

Chapter · March 2019

CITATIONS

0

READS

62

1 author:

[Iryna Shevchenko](#)

V. N. Karazin Kharkiv National University

14 PUBLICATIONS 3 CITATIONS

[SEE PROFILE](#)

Some of the authors of this publication are also working on these related projects:

The concept ECONOMIC CRISIS instantiation in the English economic discourse of the 1930s and 2000s. [View project](#)

ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ В КАТЕГОРИЯХ ДИСКУРСА

Шевченко И.С. (Харьков)

К славному юбилею доктора филологических наук,
профессора Валерии Андреевны Кухаренко

Все мы – родом из детства, а все филологи нашей страны – родом из курса «Интерпретации текста», блестяще написанного *Валерей Андреевной Кухаренко*, многократно переизданного и переведенного на другие языки [3]. Уникальность Валерии Андреевны – в умении видеть насущные проблемы времени и предлагать их нетривиальные решения. Важным новшеством этого курса стала разработка, вслед за В. Дресслером, И.Р. Гальпериным и др., категорий (художественного) текста.

К категориям текста принято относить когезию, когерентность, интенциональность, приемлемость (интерпретируемость), информативность, ситуативность и интертекстуальность (cohesion, coherence, intentionality, acceptability, informativity, situationality and intertextuality) [11]. Различия дискурса-процесса и текста-результата делают сегодня актуальным вопрос о сходстве и различиях их категорий, а достижения когнитивной психологии и когнитивной лингвистики в области теории воплощенного сознания (embodied mind), общего знания коммуникантов (shared mind) дают возможность рассмотреть природу категорий дискурса в ракурсе интерсубъективности.

Цель данной статьи – установить свойства и проявления интерсубъективности в отдельных категориях дискурса. Для этого мы сначала обобщим представления о категориях дискурса, затем критически рассмотрим релевантные свойства интерсубъективности и проследим проявления интерсубъективности в категориях бытийного диалогического дискурса.

В нашей работе исходим из того, что «дискурс является многоаспектной когнитивно-коммуникативно-языковой системой-гештальтом, которая определяется совокупностью трех аспектов: конструированием смыслов, формированием идей и убеждений (когнитивный аспект), взаимодействием коммуникантов в определенных социально-культурных контекстах / ситуациях (социально-прагматический аспект) и использованием знаков, вербальных и паравербальных (языковой аспект). Отдельные аспекты дискурса неразрывны: прагматические и социокультурные аспекты имеют когнитивно-психологическое основание, а когнитивные основаны на коммуникативном опыте...» [1, 11]

Категория – предельно общее фундаментальное понятие, отражающее наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной

действительности и познания [6, 17]. В основе решения проблем категоризации – методологическая ориентация исследования на текст или дискурс.

Так, исходя из текстоцентрического подхода, Е.А. Селиванова выделяет тексто-дискурсивные категории целостности, дискретности (членимости), информативности, связности, континуума, референциальности, антропоцентричности, интерактивности, интерсемиотичности, важнейшей из которых признает диалогичность в духе М.М. Бахтина [5, 197-239].

В соответствии с дискурсоцентрической классификацией В.И. Карасика, категории дискурса включают: «1) конститутивные, позволяющие отличить текст от нетекста (относительная оформленность, тематическое, стилистическое и структурное единство и относительная смысловая завершенность); 2) жанрово-стилистические, характеризующие тексты в плане их соответствия функциональным разновидностям речи (стилевая принадлежность, жанровый канон, клишированность, степень амплификации/компрессии); 3) содержательные (семанτικο-прагматические), раскрывающие смысл текста (адресативность, образ автора, информативность, модальность, интерпретируемость, интертекстуальная ориентация); 4) формально-структурные, характеризующие способ организации текста (композиция, членимость, когезия)» [2, 241].

Исходя из ориентации на коммуникантов, М.Л. Макаров [4] выделяет шесть отдельных категорий дискурса.

В рамках когнитивно-коммуникативного подхода мы выделяем **когнитивные, коммуникативные, метадискурсивные категории**, а также **гиперкатегорию интердискурсивности** [9, 6-12], где две первые категории дают представление о содержательном плане дискурса, а метадискурсивные – о его структурировании. В частности:

- *когнитивные* категории дискурса включают информативность – смыслы, конструируемые участниками в ходе коммуникации; когезию как семанτικο-когнитивную связность дискурса (каузальную, референциональную, темпоральную);
- *коммуникативные* категории дискурса охватывают интенциональность и адресованность как социально-прагматические свойства отдельных ситуаций общения, а также ситуативность – соотнесенность вербальных и невербальных аспектов общения и контекстуальность;
- *метадискурсивные категории* позволяют судить о плане выражения дискурса – его структуре, организации, развертывании и включают его коммуникативные стратегии и тактики; жанрово-стилистические особенности дискурса; фатическую метакоммуникацию (регулирование речевого взаимодействия в ситуациях установления, продолжения, размыкания речевого контакта) и операциональную категорию мены коммуникативных ролей.

Тем самым дискурсивные и метадискурсивные категории находятся в дополнительных отношениях и связаны по принципу содержание :: выражение, диктум :: модус [там же].

Гиперкатегория интердискурсивности реализуется как через дискурсивные (когнитивные и коммуникативные) категории, так и через метадискурсивные категории [9]. С нашей точки зрения, в основе интердискурсивности, как и других категорий, лежит **интерсубъективность** – важнейшее свойство, внутренне присущее дискурсу, определяемое в философии как «общность структур психики, мыследеятельности, опыта и результатов познания различных субъектов, обеспечивающая возможность взаимопонимания и социокультурной идентификации личности» [12].

Феноменологическая социология (Гуссерль, Шюц и др.) видит в интерсубъективности типические, взаимосогласованные структуры сознания и поведения индивидов, формируемые в коммуникации, в смене социальных ролей и т.д. [13].

В гуманитарных науках интерсубъективность выступает как общее название различных условий человеческой общности — в сфере языка, эстетического восприятия, социальной психологии, межличностных и групповых коммуникаций и др., что свидетельствует о ее важности для когнитивной науки [15], семантики, прагматики, анализа дискурса и других антропоцентрических исследований.

В лингвистике интерсубъективность пока не имеет однозначных трактовок и понимается в духе последователя Витгенштейна С. Тулмина как выполнение «правил языковых игр», обеспечивающее равенство всех их участников и корректировку их поведения (включая и исследовательскую деятельность научных сообществ) [7]. Исходя из идей Гуссерля, Выготского, Витгенштейна, исследователи в области когнитивной науки и сознания Е. Томсон и Ф. Варелла, Р. Харе и Г. Гиллетт, Э. Рош и др. рассматривают интерсубъективность как конститутивное свойство дискурсивных практик, основанное на общности материальной и нематериальной культуры, как знания, разделяемые всеми членами общества. З. Златев и др. трактуют интерсубъективность как «общность опыта (чувств, ощущений, мыслей, значений), разделяемую определенным множеством людей» [16, с. 2]. Такая общность знания (the shared mind) – один из центральных аспектов социальной жизни, который формирует человеческое сознание [там же, 1].

Будучи конститутивным свойством сознания, обеспечивающим саму возможность коммуникации отдельных личностей, интерсубъективность в разной степени присуща всем категориям дискурса. Так, проявление **интерсубъективности в когнитивных категориях дискурса** обеспечивает общую трактовку базовых концептов определенной культуры, разделяемые носителями языка представления – наборы смыслов (картину мира – «динамичную когнитивную сруктуру, глобальное представление ее автора о мира, полученное в результате обобщения чувственного опыта познания» [1, 10] и ее составляющие – концепты) и характерные для определенной эпохи и культуры механизмы обработки знаний (прототипические эффекты,

специфичные модели когнитивных метафор и т.п.). Тем самым результат интер-субъектного духовного опыта – общие знания, разделяемые всеми коммуникантами, определяют семантико-когнитивную связность дискурса (ср.: говоря о категориях художественного текста, категории формальной и смысловой связанности – когезии и когерентности В.А. Кухаренко провидчески выдвигает их на первый план [3, 75]).

Интерсубъективность коммуникативных категорий дискурса – его интенциональность, ситуативность, контекстуальность – обусловлена интенциональностью сознания. Феноменология Гуссерля исходит из понимания интенциональной природы сознания как особого рода отношений между субъектом и объектом [13, 261–262], что предполагает признание недетерминированности сознания в противоположность естественным наукам о человеке, стремящимся истолковать сознание как определенный, фиксированный объект. Интенциональность служит конститутивной характеристикой сознания, его объект всегда «значим». По Гуссерлю, «всякий интенциональный опыт <...> имеет свой «интенциональный объект», то есть свое объективное значение. Или, другими словами, иметь значение, мыслить «о чем-то» – кардинальное свойство всякого сознания» [там же]. Тем самым интенциональность наделяет сознание значением; личность ориентируется в мире благодаря интенциональности сознания.

Интерсубъективность – взаимный обмен опытом – имеет место преимущественно в интенциональном диалогическом дискурсе, как вербальном, так и невербальном, хотя в ряде случаев такой обмен происходит ненамеренно и неосознанно. В качестве примера И. Бринк приводит активное общение, «прото-разговор» младенца и взрослого: это своего рода диадическое взаимодействие, состоящее из вокализаций и эпизодов повторных ритмических обменов взглядом и выражениями лица, улыбками, которые отражают эмоциональные состояния [12].

Другим примером «односторонней» интерсубъективности может быть известный в когнитивно-аттенционной психологии процесс «аттенционного распознавания» (attention-reading), посредством которого из наблюдения за телесной позой, поведением, поворотом головы и тела и другими проявлениями внимания актора в непосредственном общении можно распознать его цели и намерения, то есть определить ментальные состояния по их проявлениям в поведении – «по информации о внимании, целенаправленности, желаниях и эмоциях» [12]. При этом большое практическое значение имеет вопрос, на какое количество (и каких) объектов может быть распределено внимание в той или иной дискурсивной практике. Прежде всего это зависит от того, сколько органов чувств участвует в процессе восприятия: чем больше органов чувств принимает участие в восприятии необходимой информации, тем большее количество объектов может находиться в поле распределенного внимания [там же].

Среди коммуникативных категорий ситуативность и контекстуальность непосредственно связаны с теми «общими условиями» общения, дискурсивного взаимодействия, которые основаны на

воплощенном (embodied) опыте (ср.: еще Е. Гуссерль подчеркивал роль индивидуального телесного опыта в определении эмоционального тона высказывания [16, 4]). В частности, контекст и ситуация позволяют интерпретировать элементы невербалики в диалогическом дискурсе: например, в зависимости от контекста протянутые руки в сочетании с покрасневшим лицом и слезами могут быть восприняты как проявление горя расставания или радости встречи. Не случайно В.А. Кухаренко подчеркивает власть контекста, сила которого «расширяет информационные границы сообщения, обеспечивает его насыщенность добавочным смыслом, модальностью, экспрессией. А поскольку текст – это в некотором смысле развернутый ядерный контекст, можно утверждать, что единицы различных языковых уровней постоянно актуализируются, то есть претерпевают изменения, которые в сумме своей и образуют глубину художественного произведения, представленного в знаменитой формуле С. Эйзенштейна: $1+1 \neq 2$ » [3, 51].

Интерсубъективность метакommunikативных категорий дискурса особенно наглядна в ритуальном коммуникативном поведении. В частности, полученное из индивидуального опыта в ходе социализации и разделяемое всеми коммуникантами общее для них воплощенное (embodied) знание, духовный опыт на основе телесного, объясняет, как именно экспрессивный жест ритуализируется в дискурсе и приобретает возможность быть сигналом определенных коммуникативных стратегий и тактик [16]: извинения, комплимента, поздравления и т.п.

Интерсубъективные, общие для носителей определенной лингвокультурой знания о нормах коммуникации делают необходимым и возможным соблюдение/нарушение жанрово-стилистического канона конкретного типа дискурса – политического, медийного, религиозного и пр. Они также обуславливают фатическое взаимодействие (phatic communion), которое Б. Малиновский определял как «тип речи, в котором коммуникативное единение достигается простым обменом словами <...>. Они выполняют социальную функцию и в этом их основная цель...» [14, 313], они не служат цели сообщения идей [там же].

Трудно переоценить важность интерсубъективных знаний для конструирования внеязыковой реальности в дискурсе. Разделяемое коммуникантами знание о мире и формы его актуализации обуславливают, каким будет общение: кооперативным или конфликтным; послужит ли оно стабилизации или разрыву отношений; дистанцированию или сближению как проявлениям стратегий вежливости в дискурсе и т.п.

Суммируя, следует отметить важность интерсубъективного аспекта коммуникативного поведения как в вербальном, так и в невербальном общении. Интерсубъективность формируется в ходе непосредственного взаимодействия коммуникантов как результат телесно-чувственного и духовного опыта, приобретаемого в дискурсивной практике, и, в свою очередь, формирует и определяет особенности этой практики. Сказанное

свидетельствует о высоком исследовательском потенциале использования принципов интерсубъективности в истолковании дискурса.

Предложенный интерсубъективный вектор исследования может быть перспективным как для когнитивно-коммуникативного анализа дискурса в целом, так и для дальнейшего изучения его отдельных категорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Как нарисовать портрет птицы: методология когнитивно-коммуникативного анализа языка: кол. монография / [Бондаренко Е.В., Мартынюк А.П., Фролова И.Е. Шевченко И.С.]; под. ред. И.С. Шевченко. – Х.: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2017. – 246 с.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
3. Кухаренко В.А. Інтерпретація тексту. – Вінниця: Нова Книга, 2004. – 272 с.
4. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
5. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. – К.: ЦУЛ «Фитоцентр», 2002. – 336 с.
6. Спиркин А.Г. Философия: Учебник для технических вузов. — М.: Гардарики, 2000. – 368 с.
7. Тулмин С. Человеческое понимание. Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. П. Е. Сивоконя. – М.: Прогресс. 1984. – 327 с
8. Чернявская В.Е. Интертекстуальность и интердискурсивность // Текст – Дискурс – Стил. Проблеми економічного дискурсу. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та экономики и финансов, 2003. – С.11-22.
9. Шевченко И.С. Дискурс и его категории// Вісник Харків. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. – 2011. – № 973, Вип.68. – С.6 – 12.
10. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. Эл документ. – Режим доступа: https://epistemology_of_science.academic.ru/265/
11. Beaugrande R. de, Dressler W. Introduction to Text Linguistics. – L.: Longman, 1981. – 270 p.
12. Brinck I. Intersubjectivity and intentional communication. – Uploaded on 20 July 2017. Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/228802354>
13. Husserl E. Cartesian Meditations: an introduction to phenomenology. – The Hague, Boston, London: Martinus Nijhoff Publishers, 1970. – 175 p.
14. Malinowski B. The problem of meaning in primitive languages // C. K. Ogden and I. A. Richards, The Meaning of Meaning. A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism. Supplement I. [fourth revised edition]. – London: Kegan Paul, Trench, Trubner, 1936. – P. 296–336.
15. Martynyuk A. “Now that the magic is gone” or Toward cognitive analysis of verbal/co-verbal communication/ Когніція, комунікація, дискурс. – 2017 – № 15. – С. 51–72. – Available from: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/> DOI: 10.26565/2218-2926-2017-15-04 s
16. Zlatev J., Racine T., Sinha C., Itkonen E. Intersubjectivity: What Makes Us Human? // Jordan Zlatev, Timothy P. Racine, Chris Sinha, Esa Itkonen (Eds.). The Shared Mind: Perspectives of Intersubjectivity. – Amsterdam: Benjamins, 2008. – P. 1-14.

